

Дождь продолжал лить всю ночь, и весь следующий день погода навевала тоску. Даже на большой перемене школу окутывал влажный полумрак, и Тасиро с подругами без устали жаловались на тему, что волосы не слушаются и белье противно прилипает к телу (нашли, что перед парнем обсуждать).

После уроков в коридорах и классах быстро стемнело, ребята из спортивных секций, не имея возможности заниматься на спортивной площадке, разошлись по домам, и на школу опустилась непривычная тишина. Зато в спортивном зале тренирующиеся волейболисты добавляли воздуху процентов влажности.

Убедившись, что за мной никто не идет, я прошел вдоль боковой стены зала, поднялся по скрипучей лестнице и остановился перед той самой подсобкой.

Из-за сгустившихся сумерек все вокруг, казалось, стало черно-белым, как в кошмарном сне. Но сегодня голоса слышно не было. В подсобке, похоже, никого.

— Что привело вас сюда вновь, господин? — высунул голову из нагрудного кармана Фул.

— Помнишь, что сказали норны? Что чувствует здесь что-то вязкое и черное?

— Разумеется.

— Вот мне и стало интересно, что это может быть.

Фул хлопнул в ладоши.

— Ничего меньшего я от вас не ожидал, господин! Одно ваше слово, и мы, объединив силы, поможем вам распутать клубок этих загадочных событий!

— Давай-ка начистоту, Фул. Ты случайно не ожидаешь от меня геройских поступков, как в романах или манге?

Фул отвел глаза.

— Не занимайся глупостями, нашел, о чем мечтать. Не дождешься, понял? Да и нет у меня таких сил.

Усмехаясь, я открыл дверь подсобки.

— Зря вы так категорично, господин. Мир полон безграничных возможностей. Кто знает, какие чудеса и приключения поджидают нас!

— Говори, что хочешь, но лично я планирую стать обычным госслужащим.

В подсобке было немного светлее — через маленькое окошко падал свет из спортивного зала.

На стальных полках в беспорядке лежала всякая мелочь: инструменты, запасной занавес, гора упаковочного скотча, стопки каких-то бумаг и...

— Блин! Я аж испугался!

Парики. А рядом ножи, стаканы и прочий мелкий театральный реквизит.

Вот и вся подсобка.

Больше здесь ничего не было...

Но что это за странное чувство?

Что не так?

Я еще раз внимательно осмотрел комнатку. Маленькая сама по себе, она почему-то казалась еще меньше, чем была.

— Точно стены давят... Фул, ты ничего не чувствуешь?

— Даже не знаю...

— Ты же дух, а чутья на сверхъестественное никакого, что ли?!

— Не желаю чувствовать волны жалких душонок. Людские сердца, порой, зарастают грязью. Моя скромная и чувствительная персона воспринимает лишь красивые и безупречные волны.

— Да-да, как скажешь.

— Но прежде всего не в моих возможностях уловить присутствие чего-то, не имеющего формы.

— Не имеющего формы...

Слова Фула заставили меня задуматься.

Члены театрального кружка утверждали, что, находясь в подсобке, они чувствовали, будто за ними кто-то наблюдает.

— И правда... Возникает такое ощущение...

Кроме меня здесь никого нет, тогда почему же мне так тесно и неуютно? Точно меня окружило что-то, не имеющее формы...

— Что-то вязкое и черное!

Правильно нагадали те не ладящие друг с другом богини-сестры! Но что это такое на самом деле, это вязкое и черное? Почему я его чувствую? Вряд ли это привидение, но тревога девушек из театрального кружка возникла явно не на пустом месте.

Так и не придя ни к каким конкретным выводам, я ушел из спортивного зала. Стоило удалиться от подсобки, и дышать стало легче. Даже мой организм среагировал на давящую атмосферу того места. Там определенно таилось нечто нехорошее.

— Бу!

Кто-то обнял меня сзади, и я от неожиданности сильно вздрогнул.

— А-а-а!

— А-ха-ха-ха-ха! Как ты подпрыгнул!

— Тасиро! Ну ты чего как маленькая!

Тасиро, точно в подтверждение моих слов, по-детски широко улыбнулась.

— Я все видела, Инаба, как ты выходил из спортзала. Опять в ту подсобку наведывался?

— Даже если и так, что с того?

— Не притворяйся, ты же тоже думаешь, что там привидение! Любопытство заело! — в шутку прижалась ко мне Тасиро.

— Ничего я не думаю! Пусти меня, эй!

В этот миг мне на глаза попались те двое, что вчера стали жертвой призванного мною

божественного рога. Увидев меня, они в буквальном смысле дали стрекача.

— И это все? — удивленно склонила голову так и не отлипшая от меня Тасиро. Видимо, ожидала услышать хотя бы ехидный свист.

Я кисло усмехнулся, чувствуя себя немного виноватым.

Тем же вечером мы с Хасэ по телефону обсудили историю с подсобкой.

— Не то чтобы от нее был кому-то конкретный вред, но она не дает мне покоя...

В ответ из трубки раздался слегка раздраженный голос:

— Инаба, ты там, случаем, не возомнил себя великим чародеем? Ты ж не собираешься уподобиться героям манги и аниме и начать бороться со злом?

Я невольно рассмеялся, услышав мнение, полное противоположное тому, что навязывал мне Фул.

— Нет, конечно! Еще чего не хватало. Проблема-то не в привидении и не в нежити, мне со своей магией туда соваться смысла нет, какая уж тут борьба!

Но Хасэ не смеялся.

— Хорошо, что ты это понимаешь.

Я знал, он беспокоился, что в случае необходимости не сможет оказаться рядом.

— Да все нормально. Ничего опасного не случится.

— Угу...

Судьба всегда настигает человека неожиданно, простым людям не дано предугадать, что их ожидает.

Ладно, если речь об удаче, когда ты, к примеру, выигрываешь в лотерее, но кто из нас будет представлять, как его на привычном маршруте вдруг собьет вылетевший с дороги мотоцикл?

И без призываемых демонов этот мир полон судьбоносных событий, наступление которых ни я, ни Хасэ, ни кто-либо еще не сможет предсказать. И Хасэ это понимает.

Но именно поэтому он переживает и не устает меня предупреждать, наверное, так он сам себя успокаивает. Надеюсь, эта тревога за меня, вызванная расстоянием между нами, не отвлекает его от более важных вещей. Должно быть, нечто похожее испытывают родители Акинэ-тян, живущие вдали от дочери.

— Когда мы уже прощаемся по телефону, родители всегда говорят: «Береги себя». Не от чего-то конкретного, а просто побережись. И я всегда обещаю, что буду. Прямо как обмен паролями получается, — улыбается Акинэ-тян.

Всего пара слов может создать новую связь.

Всего пара слов может успокоить или встревожить.

— Мелочь на первый взгляд, но слова важны, — в устах Поэта это звучит особенно убедительно.

— Потому что в них заключена духовная сила, — добавляет Акинэ-тян, и ей тоже веришь.

Я тоже не забуду и не устану повторять Хасэ:

— Со мной все будет в порядке.

Следующий день.

Четвертым уроком было «государственное регулирование экономики», скучный, на мой взгляд, предмет, подразумевающий тупое списывание с доски (хотя Сакурабе он наоборот нравится, напрягаться не надо).

Пока рука писала в тетради, мысли мои то и дело возвращались к подсобке, и в какой-то момент меня вдруг осенило. Я понял, что это было за странное чувство!

«А!.. Вот оно что!»

Я невольно вскочил, с грохотом опрокинув стул. По классу пронеслись шепот и смешки. Учитель недовольно на меня воззрился.

— П-прошу прощения.

Подняв стул, я сел. Тасиро, обернувшись, одними губами произнесла: «Дурак!», — и показала язык. Интересно, если я за него дерну, это сойдет за домогательство?

Но главное, мне так не терпелось проверить свою догадку, что я сразу со звонком пулей вылетел из класса.

Но уже перед подсобкой в нерешительности остановился.

Это что-то, описанное норнами как «нечто вязкое и черное», тревожило девушек из театрального кружка. Я сам ощутил на себе его мрачную тяжесть.

Смысл добровольно совать голову в неприятности? Разве меня кто-то заставляет?

Словно в ответ на мои сомнения, из нагрудного кармана послышался тихий голос Фула:

— Как вы желаете поступить, господин?

Его слова помогли мне встряхнуться.

— Ну... как говорится, назвался груздем — полезай в кузов. И потом, если я все брошу сейчас, точно потом себе не прощу.

Все будет в порядке, Хасэ. Со мной ничего не случится.

У меня все-таки есть «Пти». Толку от него мало, правда. Помочь эти ребята едва ли смогут, но все равно, я не один. И хоть обстоятельства не самые заурядные, но и напарники у меня им под стать.

Полный решимости, я взялся за дверную ручку. И вдруг...

— А ну!!! — прогремел рядом вопль, так что я от неожиданности подпрыгнул.

— А-а!

— Ха-ха-ха-ха-ха! — захохотала на лестнице эта дурочка.

— Тасиро, опять ты!

— И что же ты тут забыл, Инаба? Даже свое дорогое бэнто нетронутым оставил, — многозначительно подергивая бровями, заглянула мне в лицо Тасиро.

— Да так, ничего...

— Не ври. Ты и на четвертом уроке странно себя вел.

С этими словами Тасиро открыла дверь и зашла в подсобку. Иногда, особенно когда не надо, она бывает очень проникательной.

— Так в чем дело? Ты что-то нашел? Рассказывай!

Лишенный права выбора, я зашел следом за ней.

— Мне показалось, с этой комнатой что-то не так.

— В смысле? Что здесь есть привидение?

— Нет. Посмотри на те полки, — я указал на стеллаж справа от окошка в зал.

Стеллажи в этой подсобке представляли собой голые металлические полки без задних стенок, заставленные разного размера и предназначения предметами, за которыми можно было разглядеть старые, все в трещинах и разводах стены... за всеми, кроме этого стеллажа.

— А что? Что не так? — Тасиро завертела головой по сторонам.

Неудивительно. Здесь темно, повсюду кучи беспорядочно сваленных вещей, поэтому никто и не замечал эту странность. Тем более что само по себе это вполне могло там находиться.

— А... Ты об этом? — Тасиро наконец заметила, что отличало стеллаж справа от окошка от всех остальных. — Картонка...

Я кивнул.

Только между этим стеллажом и стеной за ним был картонный лист. Причем было не похоже, чтобы его сунули туда для хранения, скорее, им специально прикрыли заднюю часть полок. Ничего подобного у других стеллажей не было.

Мне это не давало покоя?

Эта странность вызвала то гадкое ощущение? Едва ли...

— Похоже... будто за ним что-то спрятали, — пробормотала Тасиро.

— Я тоже так думаю.

Тасиро резко ко мне обернулась.

— Посмотрим?

Вместе мы отодвинули стеллаж. Он был на колесиках, поэтому это оказалось относительно легко сделать.

Но сдвигая его, мы кое-что поняли. На самом деле картонным листом залепили стену. Я осторожно отодрал скотч.

— Фу! Что за?! — вырвалось у Тасиро.

За картонкой скрывались надписи и рисунки.

Практически все пространство размером со стеллаж было мелко исписано ругательствами и проклятьями. «Сдохните», «убью», «в дурку», «страдайте»... и другими, совсем уже непечатными выражениями.

Рисунки были все сплошь те, что можно увидеть в общественных туалетах. Несколько «зеркал Венеры» — символ женского пола — были все исчерканы и грязно замазаны.

Кроме тех надписей и рисунков, что были выполнены ручками и фломастерами, попадались такие, что были выщерблены в стене чем-то тонким и острым. И все, абсолютно все кричало о ненависти ко всему женскому полу.

— Меня сейчас стошнит...

При взгляде на это любому бы стало плохо, не только Тасиро.

Из окна подсобки видно весь зал, где регулярно проходят тренировки по баскетболу, волейболу и бадминтону. Кто-то, наблюдая отсюда за занимающимися спортом девушками, проклинал весь их род. Судя по надписям и тому, как они сделаны, их автор — человек далекий от уравновешенности.

Вот что имели в виду норны, когда нагадали нечто «вязкое и черное».

Как там сказал Фул? «Людские сердца, порой, зарастают грязью. Не желаю чувствовать волны жалких душонок».

— И впрямь, будто протухшей грязью измазали... — пробормотал я.

— Фу, жуть, гадость! Как представлю, что этот гад и сейчас с нами в одной школе, аж дрожь пробирает!

— Сомневаюсь. Присмотрись. Выглядит все довольно старым, тебе не кажется?

— Может быть... Хочешь сказать, он сейчас в третьем классе, а делал это, когда был в первом?

— Не знаю. Не припомню никого из третьих классов, кто способен на подобное. Может, он уже закончил школу?

— А, наверное! Хорошо, если так...

Да уж, хорошо бы.

Хорошо бы этого безумца, который черт знает сколько времени (может, вплоть до прошлого года) исписывал здесь стену проклятьями в адрес всех женщин и послужил причиной распространения по школе страшилки, больше здесь не было. Хорошо бы источником пугающих слухов было лишь это оставшееся после него гадкое напоминание.

Но я не мог успокоиться. В этой комнате было что-то еще. Что-то «живое». И тут...

Бам! — с грохотом распахнулась дверь.

— А-а! — Тасиро в испуге отпрыгнула и прижалась ко мне.

Не удержав равновесия, я бухнулся с ней на пол.

В проходе стоял Миура.

— Вы... вы чем тут занимаетесь... — произнес он тихим напряженным голосом, сверля нас даже не злым, а откровенно безумным взглядом.

Со стороны все выглядело нехорошо: я лежал на спине, Тасиро стояла на четвереньках над мной, причем в падении юбка у нее задралась, явив на всеобщее обозрение труссы. Было из-за чего обозлиться любому учителю.

Миура, сверкая глазами, скользнул взглядом по нам, затем по надписям на стене. В этот миг мне почудилось, что все его тело заволочло черным дымом. Точно в воздухе перед Миурой повисла тень или облако черных мушек, в общем, что-то расплывчатое и колеблющееся.

— Ой, сэнсэй, вы не так поняли! Вы ничего плохого не делали... — попыталась оправдаться Тасиро, но Миура вдруг схватил ее за воротник блузки. — Что?..

Уже позже я узнал, что, хоть Тасиро и смотрела прямо в лицо Миуре, она не заметила того, что отчетливо видел я.

Что его лицо было абсолютно черным.

Миура поднял Тасиро, отрывая ее ноги от пола. Я тут же сообразил, что он собрался сделать.

— Стой!..

— Сдохните, бабы!!! — закричал Миура, со всей силы швырнув Тасиро в стену.

В последнюю секунду я успел нырнуть между ней и стеллажом.

Бабах, бам, бам! — мы с Тасиро упали на пол, сверху на нас повалился стеллаж. От удара стальных полок нас спасла гора скотча.

— Тасиро... Ты в порядке?

— У-у... Что? Что случилось?

Я выглянул из-за стеллажа, но Миуры в подсобке уже не было. Несколько секунд мы с Тасиро ошеломленно молчали.

— Он... точно псих! С ним явно что-то не так! — запоздало возмутилась Тасиро с белым как мел лицом.

— Да уж, никакой учитель, даже в приступе злости, не станет швырять об стены учеников, тем более девушек.

— Дело не только в этом, Инаба! Он... был таким сильным! Кажется таким тюфяком, но видел, с какой легкостью он меня поднял? А как я полетела? Вжих и все!

Действительно, врезалась она в меня будь здоров. Ладно, предположим, весит она не так много, но все равно, в таком тесном пространстве поднять старшеклассницу за воротник над

полом и бросить с такой силой в стену... разве обычный человек способен на подобное?

«Получается, он не обычный человек? Нет, быть не может...»

Согласен, есть нежить, как Сато-сан, что ведут жизнь простых людей и даже ходят на работу, но...

«Но тут что-то другое. Что-то другое... но что?»

Тасиро, понятное дело, больше не желавшая сегодня встречаться с Миурой (а шестым уроков был как раз его), ушла домой раньше.

Может, стоило пойти в учительскую? Но кто бы нам поверил, что Миура сошел с ума? Даже Сакураба и Какиути, сами недолюбливающие Миуру, с сомнением отнеслись к рассказу о том, как он швырнул Тасиро в стену. Ну никак не тянул этот худющий гуманитарий на силача.

Я, забив на следующий пятый урок, отправился на крышу.

— Ох, ну и напугали вы меня, — покачав головой, развел руками Фул.

— Разве ты не должен как раз в такие моменты выскакивать мне на защиту? — рассеянно буркнул я.

В ответ Фул с многозначительной улыбкой ответил:

— Будь на то воля господина...

Блин. И кто меня за язык тянул.

— На дополнительные тренировки не надейся, — отрезал я, и Фул недовольно надул щеки.

Открываю «Пти» на странице «Колесо Судьбы».

— Норны!

Передо мной появились три богини и большой котел. На этот раз сестры внешним видом походили на богинь, а если точнее, на персонажей из какой-нибудь РПГ (опять, что ли, им Кот лапши на уши навешал?).

— Вызывали, господин?

— Взгляните еще раз, что с той подсобкой. Что именно представляет из себя то «вязкое и черное»?

Сестры неуверенно переглянулись, но все же окружили котел и произнесли заклинание. Интересно, что они увидят в водовороте?

В следующий миг все три богини нахмурились. Недоуменно.

— Что такое?

Скульд в замешательстве ответила:

— Его больше нет.

— Чего?

— Того вязкого и черного, больше его в той комнате нет.

— В смысле, нет?

— Видимо, куда-то переместилось. Угу, похоже на то, — озадаченно наклонив головы, добавили Верданди и Урд.

Это мне впору озадачиться. Что, черт возьми, происходит? Как так получилось, что единственная зацепка к разгадке тайны подсобки, нечто «вязкое и черное», исчезло оттуда?

Я растерялся. Предположим, раз ввязавшись, нужно идти до конца, но, похоже, такому профану в сверхъестественных делах, как я, не стоило и надеяться самому решить эту потустороннюю проблему.

— Фул, там точно не привидение и не нежить?

— Ничего столь определенного. Будь это привидение или нежить, я бы немедленно понял.

— Если не привидение и не нежить... то что тогда?

Я открыл «Пти» на странице «Отшельник».

— Хохма!

Хохма — родич совы всезнания, служившей богине мудрости Минерве. К сожалению, он слегка... нет, скорее, глубоко в маразме.

Во вспышке светло-голубого электрического разряда появился крупный филин. Я наклонился к самому уху как всегда сонной на вид птицы и громко спросил:

— Дедушка! Не привидение и не нежить, но нечто вязкое и черное и удерживающееся на одном месте?

— Ум-м-угум... — зачмокав клювом, невнятно забормотал Хохма. — М-м-м... Ну так... много чего быть может... М-м... Угум...

— Например?

— М-мгум... Если есть дыра в мир духов... может просачиваться отрицательная энергия...

Я посмотрел на Фула. Тот решительно помотал головой.

— Будь это так, ситуация давно бы вышла из-под контроля. Под влиянием энергии мира духов люди либо погибают на месте, либо превращаются в чудовищ.

— Кстати, да... Был такой ужастик.

Хотя Миура в подсобке и правда вел себя как одержимый

— Кроме того, открыть дыру в пространство духов не так легко, учитывая, как далеко он от этого мира.

— Дедушка, а других вариантов нет? — повысив голос, еще раз обратился я к покачивающемуся в дремоте филину.

— М-м... М-мгум... Память, возможно.

— Память?

— Память вещей, — сказал Хохла и вдруг распахнул свои круглые глаза. — Точно, точно! Давным-давно в одном замке была так называемая «Комната убийства». Хозяин замка, застав в этой комнате супругу с любовником, жестоко расправился с обоими. Но говорят, еще многие десятки лет после той трагедии в комнате продолжали видеть убитых. Их смерть вызвала всплеск таких сильных эмоций, что они словно отпечатались в той комнате.

— Отпечатались... в комнате?!

— Неудивительно, учитывая, какой страшный конец они встретили. Согласно записям, все тела супруги и ее любовники еще при жизни...

— Дедушка, а еще предложения?!

— О-о?! — вздрогнув от моего громкого голоса, удивленно заморгал Хохма. — Еще? Еще... Это может быть образы.

— Образы...

— Сильная грусть или злость, страх и другие «имеющие тенденцию накапливаться» негативные эмоции могут проецироваться на окружающие предметы. Человек-источник может давно о них забыть и покинуть это место, но порожденные его подсознанием образы там останутся. Так происходит, когда эмоции выходят из человека и становятся самостоятельным объектом.

На этих словах меня осенило.

— Монстр подсознания... Прямо как с монстром подсознания!

Монстр подсознания — чудовище, порожденное негативными эмоциями доктора, главного героя научно-фантастического фильма «Запретная планета».

Я наконец все понял. В подсобке тоже был «монстр подсознания» — скопившиеся эмоции того женоненавистника. Окончательную форму они обрести не успели, оставшись в вязком, похожем на густой черный дым состоянии... Вот что это было!

Страшилку «о подсобке» породило не привидение или нежить, а сохранившийся там мысленный образ ненависти, до сих пор продолжающий бормотать ругательства в адрес девушек.

— Но... он ведь исчез, так? Почему? Куда он делся? Или наоборот, надо радоваться, что его больше нет?.. Надо или как? — растерянно склонил я голову.

— Вопрос в том, куда он делся, — многозначительно посмотрел Фул на Хохму.

— Угу... Угум... Случается, подобное начинает искать себе сосуд, — кивнул тот.

— В смысле, искать сосуд?

— Мысленный образ, накопив достаточно сил, начинает искать себе физическое тело.

— Физическое тело?

— Все, что угодно. Это может быть и какая-нибудь вещь, и человек. Вы слышали истории об обретших душу куклах? Так нечто, не имеющее формы, хочет ее обрести, его притягивает внутренняя пустота физического тела.

— Ты сказал, что это может быть и вещь, и человек? То есть это нечто, не имеющее формы, может оказаться внутри живого человека?

— Если он внутри пуст, то да, совершенно верно.

— Внутри пуст...

В этот момент я услышал приближающий вой сирены «скорой помощи».

— Так-так, заехала во двор, — запрыгнув мне на голову и вытянув шею, сообщил Фул.

— Сюда? Что-то случилось?

Когда я вернулся к концу пятого урока в класс, меня встретил гул встревоженных голосов.

— А, Инаба-кун! Ты куда делся? Мы волновались! — подбежали ко мне Сакураба и Какиути.

— «Скорая» приезжала? Что случилось?

У обеих глаза лезли из орбит, прямо как у Тасиро, когда происходит нечто захватывающее.

— Миура-сэнсэй! Он упал в обморок!

— Миура?!

Произошло это на пятом уроке в классе «Е». Когда Миура еще только зашел в класс, все заметили, что с ним что-то не то: лицо бледное, точно ему нездоровится.

— Голова немного болит, — пояснил он и начал урок, но, объясняя новую тему, постоянно прерывался на середине предложения и в этих паузах начинал бурчать что-то себе под нос.

Ученики какое-то время не знали, как реагировать, пока наконец староста не встала из-за парты и не подошла к Миуре со словами:

— Вы в порядке?

Но тот при виде ее вдруг заорал:

— Не приближайся!!!

После чего схватился за голову, точно она у него раскалывалась, закатил глаза и потерял сознание.

<http://tl.rulate.ru/book/98654/3344805>